

ЭЛЛА ЗАДРОЖНЮК

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ ОБ ОСМОТРИТЕЛЬНОМ БЛАГОРАЗУМИИ ЧЕХОВ

Жизнь и творчество Константина Николаевича Леонтьева постоянно находятся в поле внимания отечественных исследователей, что отражено в выпусках десятков изданий его произведений и сотен откликов на них. В 2021 году прошли 190-й юбилей и 130-я годовщина со дня его смерти. Эти даты – дополнительный повод целостно рассмотреть ряд его идей, касающихся славянофильства и панславизма, значимых и для понимания современности в самых различных её проявлениях, в том числе связанных с русофобией. Востребованность его идей в данном ракурсе отмечалась на конференциях в ходе указанных дат в Козельске, Калуге и Москве, в Новороссийске и Владивостоке, а в Пушкинском доме Санкт-Петербурга 29 ноября 2021 года состоялась конференция, на которой извещалось об издании полного собрания его сочинений в 12 томах.

В данной статье берётся крайне узкий их сегмент, но всё же обладающий повышенной значимостью в связи с динамикой отношений России с Западом и с учётом некоторых особенностей текущей истории современной Чехии. А именно того факта, что большая часть политической элиты этой страны столь успешно “привила” к её внешнеполитическим ориентациям вирус русофобии, что она волей-неволей выступила в роли “любимой жены” лидера евроатлантизма, вытесняя с неё Польшу. Одно из последних событий этого ряда – визит в середине марта 2022 года премьер-министров Польши, Чехии и Словении на Украину для поддержки её президента в противостоянии с Россией – создание этакого общеславянского фронта из западно- (две первых страны), юго- (третья) и восточноевропейских (четвёртая) государств. Премьеры Словакии и Венгрии благоразумно отказались участвовать во встрече.

Чешское информационное агентство “Seznam” в комментариях отмечало, что экс-ректор университета Т. Г. Масарика в Брно, а ныне премьер-министр Чехии П. Фиала позировал на ней в шлеме и бронежилете, а само действие являло собой “мужественный и рискованный государственный визит, который войдёт в историю”. Правда, он подчеркнул, что в ходе этих “пятнадцати минут славы” не боялся, а поездка имеет не только символическое значение, но и будет иметь последствия в плане военной и гуманитарной помощи (*Lipold J. Komentář: Fiala šel v Kyjevě až na dřěň. Ale přijdou těžší chvíle. 16.03.2022 // seznamzpravy.cz/clanek/zahranicni-komentar-fiala-sel-v-kyjeve-az-na-dren-ale-prijdou-tezsi-chvile-193972*).

А миллиардер Д. Дедек призвал при этом не считаться и с материальными затратами; в комментарии к его заявлению отмечалось, что из опрошен-

ных 60,5 тысячи чехов 65% высказались за военную помощь Украине (Štuková K. Diskuze: Zachraňme Ukrajinu. Miliardář Dědek burcuje celý Západ k vojenskému zásahu. 16.03.2022 // <https://www.seznamzpravy.cz/diskuze/ekonomika-nejbohat-si-lide-zachranme-ukrajinu-miliardar-dedek-burcuje-cely-zapad-k-vojenskemu-zasahu-19398>). И невольно начинаешь отыскивать глазами нового Йозефа Швейка в инвалидной коляске с призывом: “На Москву!” – как его литературный предшественник взывал в 1914 году: “На Белград!”

Вот оно как... Но надолго ли? Ведь история содержит немало свидетельств относительно того, что Россия/СССР не раз спасали чешский народ – сравнительно небольшую западнославянскую нацию – от губительного давления со стороны Запада. И в процессе становления чехословацкого государства в 1918 году, и в губительном для него 1938-м, и в ходе освобождения страны от фашизма. А уж забывать о трепетной любви к чехам великих деятелей русской литературы и искусства никак нельзя.

Правда, не всегда и не всех. И как раз Леонтьев, писатель и дипломат, яркий мыслитель и критик того, что наш современник А. Зиновьев поименовал “западнизмом”, выбрал для иллюстрации губительности курса всех славянских народов на – уже по его слову – “европеизм” именно чехов, несмотря на выражение приверженности ярких её умов идеям славянофильства и панславизма. Это кричащее противоречие Леонтьев рассматривал с особой тщательностью, вызывая остро критическое отношение справа и слева за свои взгляды на славянский вопрос (славизм).

Многое в отношении Леонтьева к чехам может быть выяснено через то, что именуется областью ментальных исследований их этнического сознания. В новейших исследованиях под менталитетом принято подразумевать то, что “выражается в национальном языке, проявляется в идентичности, соединённости устойчивых когнитивных особенностей и веры, образе мышления, своеобразной системе образов, представлений и умонастроений” (Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020. С. 73). Данное понятие ввёл французский этнолог Л. Леви-Брюль, его детально разработала историческая школа “Анналов”, в отечественном обществоведении его проработка связана с именем Санкт-петербургского политического психолога А. Юрьева и его последователей. Аналитический инструментарий ментальных исследований достаточно чётко идентифицирует параметры того или иного менталитета при его сопоставлении с другими.

Нами уже отмечалось, что менталитет кладёт отпечаток на строй разума и проявления чувств, формирует и демонстрируемые качества, и бессознательные установки своих носителей. “Практически каждый носитель таким образом проявляемого менталитета – член узнаваемого общества – политики с присущими ему языком и традициями, культурой и ценностями” (Задорожнюк Э. Г. О новом подходе к изучению политического менталитета профессора И. М. Ракитянского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 102). Он маркирует культурные и поведенческие коды этносов, их культурное разнообразие. Включая такую ключевую характеристику чешской ментальности, как осмотрительность, проявляющуюся – по принципу ультрапарадоксальности – в претензиях на роль “преуспевающего ученика” в деле то социализма (Чехословакия первой после СССР приняла название “социалистическая”), то защиты прав человека и идеалов демократии от злобной “евроазиатской” России (В. Гавел и различные варианты гавелизма, включая новейший его извод – Фиала постоянно клянётся именем первого президента Чехии)¹.

Остаётся добавить, что взгляды Леонтьева на национальные облики славянских народов коррелируют со многими положениями ментальных исследований, особенно касающихся польского менталитета в упомянутой книге Ракитянского. Соответствующий инструментарий может быть применён к анализу и менталитета чешского, многие параметры которого, на наш взгляд, ретроспективно выявлены Леонтьевым, хотя и весьма фрагментарно, зато очень по-злому и метко.

Прежде чем изложить его позицию, отметим, что великие писатели и мыслители отнюдь не благостно относились к своим соплеменникам. К. Маркс, потомок раввинов по отцовской и материнской линии, обличал евреев в торгашестве. Н. Чернышевский – демократ, да ещё и революционный – именовал русских устами героя романа “Пролог” со звучным именем

Волгин так: “Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы” (как раз эти слова повторял носитель имени, выводимого из названия ещё одной великой русской реки Лены). Т. Шевченко именно о своём народе писал: “Люде, люде! / За шмат гнилої ковбаси / У вас хоч матір попроси, / То оддасте” (Шевченко Т. Г. *Зібрання творів. У 6 т. К., 2003. Т. 2. Поезія 1847–1861. С. 97*)². Доставалось русским и от Леонтьева – чего уж требовать от оценок им и другими мыслителями, включая вышеупомянутых, других народов, а также надэтнических образований типа южных славян или “средних европейцев”.

Предысторию критического отношения к славянам, включая чехов, со стороны русского мыслителя осветил историк С. Никитин. Он считал, что Леонтьев одним из первых выявил самопротиворечивость линии на панславизм в своих статьях и подчеркнул, что хотя все славянские нации стремятся к развитию своей государственности с опорой как раз на Россию, но каждая из них стремится стать “второй Польшей”. Поэтому позиция Леонтьева и характеризовалась “нападками на “узкий славизм” устроителей съезда 1867 г.” (Никитин С. А. *Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-е-70-е годы XIX в. М., 1970. С. 292*).

Но ещё задолго до Славянского съезда в Петербурге и Москве посол в Вене Е. Новиков, как это показал Никитин в архивных документах, выявил критическое отношение к идее австрославянской федерации, продвигаемой на нём старочехами. Глубоко проникнув в ментальность чехов, даже находясь на дипломатической службе на Балканах, он мог заинтересовать данной темой своего младшего подчинённого Леонтьева. Всё же идея указанной федерации не столько радовала, сколько настораживала не только объединяющуюся Германию, особенно в ходе её войны с Австрией в 1866 году, но и Российскую империю, что осознавали оба дипломата. Можно предположить, что подобный круг идей обсуждался при встречах Новикова и Леонтьева, который прочитал работу первого о Гусе и Лютере по-своему, при этом особо выделяя влияние на славянство чехов и представляя их как орудие немецких воздействий³.

Он опасался этого, можно сказать, даже с избытком, но к такого рода предостережениям культурные круги в России всё же прислушивались и после 1867 года с большими сомнениями, предпочитая апологию чехизма по-этом-дипломатом Ф. Тютчевым. К известным его словам о единстве славян, “спянных любовью”, а не “железом и кровью”, в знаменитом стихотворении Леонтьев относился с большим скепсисом, хотя и не выражал его публично.

Подозрительное отношение к южным славянам, полякам и особенно чехам Леонтьева проанализировано В. И. Косиком. Ещё четверть века тому назад он предложил на обсуждение ультрапарадоксальные мысли русского мыслителя относительно славянства, славянофильства и панславизма. Один из его выводов оказался – как мыслил и Леонтьев – в чём-то провидческим: ещё в конце 1990-х годов можно было говорить “не только об отсутствии славизма, но и славянства!” (Косик В. И. *Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему*. М., 1997. С. 138). Правда, мыслить и говорить так безапелляционно вряд ли стоило тогда и стоит теперь: как только тот же Запад в лице тысячелетнего германского рейха подчинил славян, так и вспомнилось, что славянство всё-таки едино, и в 1941 г. был создан Всеславянский комитет. (Досталь М. Ю. *Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948)* // *Славяноведение*. 2007. № 2. С. 17–31). Тема же неубиенного славянства вызывает дополнительный интерес в связи с теми сегодняшними противоречиями и противостояниями в отношениях России со славянскими странами, причины которых выясняются с такими трудностями. Необъяснимы, в частности, даже поводы к информационным войнам русофобской направленности, поводы к которым приходится весьма искусно измышлять в плане истории. Обращения к Леонтьеву позволяют увидеть в ретроспективе изгибы такой политики и без того, чтобы безоговорочно принимать его диатрибы в адрес, в первую очередь, западнославянских стран.

Издатели автобиографических материалов Леонтьева поименовали его “реакционнейшим из всех русских писателей”, при этом подчёркивается, что никто другой на это место претендовать не мог (*Литературное наследство*. Т. 22–24. М., 1935. С. 427). Чешская тема в них затронута хотя и неполно, но в течение всей его жизни: излагается отношение Леонтьева к прибытию

старочеха Ф. Ригера на Славянский съезд 1867 года, приводится тот факт, что десять лет спустя “своими словами” он передал эти нелюбезные слова чешскому гостю; подчёркивается, что в усиленной форме они появились ещё десять лет спустя в знаменитом двухтомнике “Восток, Россия и славянство” (1885–1886).

Следы такого отношения просматриваются и в дальнейших статьях Леонтьева, и создаётся впечатление, что Чехия – это тот Карфаген, который должен быть разрушен даже до своего появления на политической карте Европы. Такое отношение не разделялось большинством славянофилов и их противников в XIX веке, оно не было приветствуемо и в XX веке – от 1918 года до 1968 года и даже в 1989 году. Вряд ли оно приемлемо и сегодня, несмотря на включение Чехии в список “недружественных стран”. Но не обращать внимания на то, что было сказано Леонтьевым, тоже нельзя.

В автобиографических материалах говорится о нереализованном предложении Новикова, человека, который глубоко проник в ментальность чехов. Он якобы говорил Леонтьеву при встрече в Петербурге в 1869 году: “Нехорошо Вам долго оставаться по разным этим Янинам; Вам надо пошире и повиднее” (там же. С. 467), имея в виду консульство как раз в Богемии. Леонтьев в следующем году смертельно заболел и писал, что лишь обязательство стать монахом спасло его жизнь; оно начало реализовываться, а он сам покинул дипломатическое поприще. Поистине, это одна из “дипломатических тайн” его личной жизни, и она может хоть как-то объяснить пристрастность отношения к чехам и их русскоязычным покровителям, в числе которых влюблённые в “злату Прагу” до 1870 года Н. Лесков и Ф. Достоевский, а после – П. Чайковский и И. Репин (*Прага. Русский взгляд / Под ред. С. В. Никольского. М., 2003. С. 79, 90, 93, 98*).

Творчество Леонтьева можно разделить на три части: художественные произведения, одобряемые И. Тургеневым и Л. Толстым; политико-публицистические труды; автобиографические материалы, письма и мемуарные свидетельства. В первой части чехи не упомянуты вообще, в третьей – крайне редко, хотя внимание прозаику-дипломату (как и драматургу А. Грибоедову и поэту Ф. Тютчеву) уделялось первостепенное. О нём знал сам канцлер А. Горчаков, а возможное место дипломата в “златой Праге” пророчилось Леонтьеву на самом высоком уровне. Глубина понимания ситуации в Турции и на Балканах, меткая наблюдательность, ясность в изложении сложнейших ситуаций ценились в министерстве иностранных дел. Как раз эти профессионально важные качества требовались и в условиях, сложившихся после австро-прусской войны 1866 года, прибытия чешских австрославистов в Россию в 1867 году и в преддверии следующей, франко-прусской войны 1870–1871 годов.

Одна из причин убедительности его парадоксальных выводов – непосредственное участие Леонтьева-медика в Крымской войне 1853–1856 годов. России по всему периметру её границ противостояла не только Турция, но также Англия и Франция, а заодно – Сардиния; это союз носителей трудно сопоставляемых ценностей и интересов. Свою активность на данном поприще Леонтьев описал в записках военного врача и не раз вспоминал о характере столкновений между этими разнородными народами, представители которых попадали в плен. В частности, он отметил, что русские с большей естественностью относились к туркам, чем к англичанам и французам, – перед ними они как бы заискивали. С учётом следующего наблюдения Леонтьева: “В английских выходах было больше бессмысленной грубости, больше так называемого “вандализма”, чем в турецких насилиях” (*Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб, 2000–2021. Т. 6. Кн. 1. С. 679*; далее цитаты приводятся по этому изданию). А ведь понять, зачем тот же Крым туркам, легче, чем уяснить, что здесь потеряли наследники Наполеона и Веллингтона.

Особо виделась Леонтьевым роль в войне Австрии, в частности, входящих в неё славянских народов. Ведь нельзя забывать, что А. Мицкевич в это время благословлял создание особых польских легионов для борьбы с Россией, в то время как южные славяне связывали с её победой надежды на своё освобождение. Почему-то поляков Леонтьев хоть и ругал, но как-то внятно, а вот за что “доставалось” чехам – понять гораздо труднее.

По свойственной Леонтьеву парадоксальности, как раз победы Запада в этой войне породили мысль о его “гниении” через доминирование мещанского духа. Свойственное после Парижского мира 1856 года ключевым странам

Европы “демократическое хамство” последовательно осуждалось им, на что указал В. В. Зеньковский (*Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры и русских мыслителей. М., 1997. С. 90–91*). Особо затронутым этим гниением оказалась, по убеждению Леонтьева, как раз Чехия — отсюда доминанта подозрительности к ней вплоть до непочтительных отзывов. Он как бы поставил задачу: решительно разбить иллюзии славянофилов и панславистов относительно этого западнославянского народа невзирая на то, что формировали соответствующие установки как раз чешские мыслители, уповающие на Россию.

Оставив дипломатическую карьеру, Леонтьев начал сражение за интересы России на других фронтах, отказавшись заодно от карьеры писателя во имя публицистики. Как раз в ней особо просматривается присущая ему пристрастность оценок так и не обрётённого дипломатического поприща в “злой Праге”.

Главенствующую роль в освещении чешской проблемы в рамках славянского вопроса играет работа “Византизм и славянство”. Глава третья в ней начинается громогласным вопросом о том, что такое славизм. И не менее громогласной констатацией: “Ответов нет!” (*Леонтьев К. Н. Указ. соч. Т. 7. Кн. 1. С. 334*).

Затем начинаются фрагменты, описывающие то, что можно назвать крайне контрастными параметрами национального своеобразия разных славянских народов, включая чехов, — по-современному, их ментальности. На наш взгляд, суждения Леонтьева, образно говоря, “во здравие” в характеристиках места чехов в славянском деле вряд ли превзойдут доминанту суждений “за упокой”.

Итак, первое упоминание о чехах “во здравие” в “Византизме и славянстве”. К положительным сторонам их национального характера можно отнести, согласно даже этому “разочарованному славянофилу” (определение философа С. Трубецкого), грамотность и укоренённость в исторических традициях, связанные с именами, по аттестации Леонтьева, благородного Яна Гуса и страшного Яна Жижки. “Конечно, чехи — братья нам; они полезны, не говорю, Славизму (ибо, как я сказал, Славизма нет), а Славянству, т. е. племенной совокупности славян; они полезны как передовая батарея Славянства, принимающая на себя первые удары Германизма” (*там же. С. 336–337*).

Ещё один цельный фрагмент “во здравие” из более ранней статьи “Грамотность и народность”: “Из всех расположенных к нам политически единоплеменников и единоверцев наших — чехи, мне кажется, скорей других могли бы понять и оценить Россию с той точки зрения, на которую я лишь намекнул в первой нашей главе” (*там же. С. 96*).

Однако во всех трёх фрагментах “за упокой” доминирует резко отрицательное отношение к чехам, которое Леонтьев вряд ли озвучил бы на предполагаемом, но отнятом болезнью посту, или, по крайней мере, он сформулировал бы его более дипломатично в дискуссиях с самими чехами.

Итак, первый фрагмент: чехов можно назвать “прекрасным орудием немецкой фабрики, которое славяне отбили у немцев, выкрасили чуть-чуть другим цветом и повернули против Германии”. При этом “пленение” ею оказалось для них предпочтительнее, чем верность славянскому делу. Этому, по убеждению Леонтьева, правда, не совсем верному, способствуют не герои прошлого — те же Гус и Жижка, — а “только “честные” и “учёные” Ригер и Палацкий” (*там же. С. 336*). Зять второго как лидер австрославизма и издатель первой энциклопедии на чешском языке стал австрийским бароном.

Удручает Леонтьева то, что как раз перед ними почтительно склоняют головы “писатели наши”, в числе которых не только литераторы, но также публицисты и учёные. “Высшая учёность, например, есть большая сила, но уж, конечно, эта сила не исключительно славянская, она могла только способствовать к изучению, к пониманию древнеславянских, хоть сколько-нибудь своеобразных начал; но от понимания прошедшего и переходящего до творчества в настоящем и даже до прочного охранения ещё целая бездна бессилия” (*там же. С. 337*), — утверждает он. И продолжает: “Краледворская рукопись” и “Суд Любуши” — прекрасные вещи, но они археологичны и мало применимы к обработанной по-европейски стране, где по-западному правит учёная буржуазия⁴.

Что же касается личности типичного чеха и его ментальности, то он, конечно, скромнен, стоек, терпелив, да ещё и музыкант, утверждает Леонтьев.

В то же время этого недостаточно для лидерства в славизме, даже предельно просвещённом и поэтому осмотрительном. Леонтьев следующим образом аргументирует свой тезис: “Политическая история сделала чехов осторожными, искусными в либеральной дипломатии. Они вполне по-европейски мастера собирать митинги, делать демонстрации вовремя и не рискуя открытыми восстаниями. Они не хотят принадлежать России, но крайне дорожат ею для утешения Австрии. Одним словом, всё у них как-то на месте, всё в порядке, всё по-модному вполне” (там же. С. 338). Панегирики чехам: мы-де многим им обязаны, поскольку именно этот народ выдвинул и теоретически обосновал многие положения славянофильства и панславизма; нет в Европе масс, в большей мере охваченных образованием, и т. д., и т. п. — Леонтьевым отвергаются, причём очень искусно. Например, в прямой полемике с И. Аксаковым, описанной в автобиографических заметках, он доказывает, что эти панегирики — всего лишь яркая обёртка ядов германизма.

Конечно, подверженность германизации чешских ума и быта не уничтожила вполне чувств и стремлений, пригодных для политической борьбы против германизма. Более того, панегирики чехам, провозглашаемые русскими славянофилами с начала 1850-х годов, не прекратились и к началу 1870-х — времени выхода “России и славянства” — и даже второй половины 1880-х годов — времени появления двухтомника “Восток, Россия и славянство”, в котором указанная работа занимала ключевое место.

В полемике со славянофилами “разочарованный” Леонтьев был очень убедителен, доказывая, что опоры чехов всего лишь на древнеславянство, гусизм и коммунизм таборитов явно недостаточно. Помогли бы им скорее местная аристократия и византизм, однако первая была уничтожена после 1620 года, а византизм не приживался ранее и не приживается сегодня. Ещё один его ультрапарадоксальный вывод: указанные начала оказались бы спасены при их сочетании с социализмом, по убеждению Леонтьева, во многом пригодным для спасения национальных начал.

В ставшем знаменитым своими заключительными словами 13-м примечании к “Византии и славянству” Леонтьев перешёл все границы сдержанности, присущей ему как дипломату. В нём он приводит мнение умеренно либерального француза, расположенного к чехам. “Вы не то, что поляки с их возвышенными неосторожностями (*imprudences sublimes*); вы выработали у себя, благодаря близости немцев, *tiers-état* (третье сословие. — Э. З.); ваши добродетели более буржуазны. Зачем же вам необдуманные поступки и слова? Не нужно более поездок в Москву!” (там же. С. 338). А куда: в наступавший Берлин или находившийся в осаде Париж? Ибо сказано это было в 1870 году — в ходе смертоносного для Франции столкновения с Германией. Поляки вряд ли поддерживали Германию в её устремлениях, а вот чехи с их близостью, причём не только территориальной, к немцам... Но им никак нельзя к Москве (как известно, тоже сдержанно относившейся к терзаниям славянских народов со стороны “гуннов”, как их именовали цивилизованные французы). И вдруг — ультрапарадоксальные слова Леонтьева в этом примечании: “Я с ним, впрочем, согласен: на кой нам прах эти чехи” (там же). А ведь человек с такими настроениями, впрочем, пользующийся вниманием самого Горчакова, собирался стать консулом в Богемии...

“Но история, — утверждал он, — судила иначе, и чехи, войдя раньше всех славян и надолго в общий поток романо-германской цивилизации, раньше всех других славян пришли к учёному сознанию племенного Славизма, но зато, вероятно, меньше всех других славян сохранили в себе что-либо бессознательно, наивно, реально и прочно существующее славянское” (там же. С. 339). Затем Леонтьев переходит к аргументам, как будто взятым из его прошлого как медика. Чехи, по его убеждению, уподобились “пожилому мужчине, который утратил силы плодотворные, но не утратил мужества и чувства. Они с восторгом создали бы, вероятно, что-нибудь своё, если бы могли, если бы одной учёности, если бы одного хорошего знания начал и судеб славянских было достаточно для творчества, для организации” (там же). Сочиняют эти начала как раз народы менее образованные с учётом того, что как раз “знание и незнание были (до сих пор, по крайней мере) равносильными двигателями исторического развития” (там же. С. 339-340). Аргументы сомнительного свойства, однако роль незнания уже в следующем веке была задействована как раз просвещённой Германией. Далее идёт нечто вроде диатрибы

в адрес народа, земель которого Леонтьеву так и не удалось посетить, хотя признаний в том, что он туда стремился, пока не обнаружено.

В “Письмах о восточных делах” Леонтьев не менее едко характеризовал как раз дела западные, включая отношения между чехами и немцами: первых он готов был предать вторым на полное “съедение”. Такая альтернатива, как союз с Россией, — вопреки надеждам, к примеру, Ф. Тютчева, — губельна для неё; вряд ли такое убеждение Леонтьева было бы одобрено и его коллегой-дипломатом Новиковым. “Есть ещё одна частность по поводу Германии и славян; было бы большим счастьем, если б немцы заставили бы нас предать чехов на совершенное съедение Германизму. Иначе можно опасаться, что они попадут тоже в состав великого Восточно-Славянского Союза; это было бы великим бедствием. Чехи — это европейские буржуа по преимуществу, буржуа из буржуа, “честные” либералы из “честных” либералов. Их претенциозное и либеральное бюргерство гораздо вреднее своим *мирным* вмешательством, чем бунты польской шляхты. Это тоже *химическое*, внутреннее отравление”, — писал он (там же. Т. 8. Кн. 1. С. 92).

Весьма несправедливое обвинение. Всё же если обратиться к реалиям начала 2020-х годов и их интерпретации современными политическими аналитиками и публицистами, то достаточно заменить Германию на США, ряду из них они оказались бы более чем востребованными. Как говорится, увы и ах... При этом “эгалитарный либерализм” славянства, под которым можно сегодня понимать приверженность демократическим ценностям, согласно Леонтьеву, присущ русским и болгарам, сербам и словакам, но особо он обнаруживается у учёных, трудолюбивых и мещански настойчивых чехов. Для них отравление — некая амброзия...

Из этого устойчивого убеждения Леонтьева вытекает такое утверждение прогнозного характера: “Если бы нужно было проиграть два сражения немцам, чтобы *обстоятельства* заставили нас с радостью отдать им чехов, то я, с моей стороны, желаю от души, чтобы мы эти два сражения проиграли!”

Что за два сражения, Леонтьев не объясняет, однако его ультрапарадоксальное суждение, на наш взгляд, значимо и для понимания современных интенций в духе русофобии, присущей части чешской политической элиты. Семь лет ждать итогов расследования событий во Врбетице, выслать по этому поводу два десятка российских дипломатов, а затем уничтожить в бумагорезательной машине “обличающие” документы — весьма примечательное действие “мещански настойчивых” чехов. Без ядовитых суждений Леонтьева “за упокой” такого рода действия понять затруднительно, но что есть — то есть. Смены же настроений в пользу России, которой в прошлом, по слову Леонтьева, крайне дорожили, ожидать, на наш взгляд, пока не приходится.

Важный фрагмент “за упокой” отношений с чехами был высказан в статье Леонтьева “Грамотность и народность”, появившейся незадолго до выхода “Византизма и славянства”. В её начале говорится, что как раз чехи раньше других могли бы понять и оценить Россию; можно добавить: это в разные времена в различных формах и происходило. Но мешала их большая по сравнению с другими народами образованность и даже пресыщение европеизмом, которое носит во многом амбивалентный характер. “К несчастью, и между чехами много есть людей *пропитанных*, но не *пресыщенных* европеизмом. Это видно по печатным мнениям некоторых из них” (там же. Т. 7. Кн. 1. С. 97). А проникнутая мещанством западная публицистика с её мелким знанием в ущерб высшему творчеству духа находит как раз у чехов сочувствие и понимание, побуждая к колебаниям их мыслей относительно славизма.

Леонтьев приводит свидетельства отечественной прессы о том, что грамотных солдат в русской армии всего 5 процентов, в отличие от тех же чехов в армии австро-венгерской. “Что может быть общего у чехов, столь учёных, столь образованных и т. д., с русскими? Чехи говорят, что они в России ищут лишь *умственного вождя*... Нам кажется, что первое необходимое качество путеводителя есть способность ясно видеть. Dans le royaume des aveugles les borgnes sont rois и т. д. <...> Да! В России ещё много безграмотных людей, в России много ещё того, что зовут “варварством”. *И это наше счастье, а не горе*. Не ужасайтесь, прошу вас; я хочу сказать только, что наш безграмотный народ более, чем мы, хранитель народной физиономии, без которой не может создаться своеобразная цивилизация”⁵ (там же. С. 97–98).

Относительно третьего фрагмента “за упокой” обращает внимание заметка Леонтьева в газете “Варшавский дневник” за 1880 год; она выходила с 1864-го по 1917 год и оправдывала меры русификаторской политики. Что касается франкоязычной газеты “Le Nord” (1855–1898), поддерживавшейся Российской империей, то она в основном собирала благожелательные для неё мнения, но не чуралась слухов и сдержанной критики. Славянский вопрос не исчезал со страниц и первой, и второй. Данный целостный фрагмент появился десять лет спустя после несостоявшейся дипломатической миссии Леонтьева в Прагу и – в отличие от первых двух фрагментов – не содержит ни единого благоприятного слова о чехах.

В корреспондентки “Le Nord” из Вены извещалось, что всё тот же учёный доктор Ригер оказался не столь уж враждебным относительно Германии в вопросе о её влиянии на Балканском полуострове – и в то же время не одобрял вовлечения независимой Сербии в экономическую сферу Австро-Венгерской империи. В целом же позиция Ригера проникнута всё тем же австрославизмом, вызывавшим подозрительное отношение со стороны Леонтьева ещё со второй половины 1860-х годов.

Особенно беспощаден он к стилю политики, выводимой из чешской ментальности. “Всё это очень благонамеренно, всё это дышит “умеренностью и аккуратностью”... “И волки сыты, и овцы целы” (там же. Том 7. Кн. 2. С. 219). То есть просматривается некая нежная установка на балканскую политику Австрии – в надежде на европеизацию этого региона. И отношение к ней, кстати говоря, явленное в знаменитом предостережении Достоевского в “Дневнике писателя” за ноябрь 1877 года: “Не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, что только Россия их освободит и Европа согласится признать их освобождёнными!”⁶ (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений, М., 1984. Т. 26. С. 78).

Вернёмся к фрагменту 1880 годов, касающемуся относительно спокойной части Австро-Венгрии и перспективы решения славянского вопроса при равной удалённости от Австрии и России. “Но – увы! – мы сознаемся в одном чувстве, не совсем уместном и приличном, когда речь идёт о серьёзных вопросах международной политики. Мы сами не знаем, почему эти чешские дела наводят на нас какую-то скуку. Есть что-то несимпатичное в крупных претензиях этой небольшой, но многограмотной славянской нации... Есть что-то мелкое в её колебаниях между *необходимой* Австрией и *этой* Россией, на которую глядят в Праге, вероятно, свысока, но признают весьма пригодною для лёгкого устрашения до поры до времени своего же немецкого начальства” (Леонтьев К. Н. ПСС. Т. 7. Кн. 2. С. 219). Леонтьевым выявлена всё та же, на наш взгляд, осмотрительность, и даже некая наноосмотрительность, столь свойственная политике Чехии, Чехословакии и снова Чехии в XX и начале XXI века. С элементами затаённой или явной русофобии, давно продиагностированной им. Русофобии, никак не изживаемой и, согласимся с Леонтьевым, скучной и несимпатичной.

И – в чём-то наиболее ультрапарадоксальное его заключение: “Нам кажется, что и чешские бюргеры, давным-давно и притом плохо переведённые с немецкого языка на одно из славянских наречий, очень скоро примирились бы с новыми условиями своей жизни... А с другой стороны, и Всеславянство не почувствовало бы глубокого лишения от утраты этой небольшой и более учёной, чем особенно умной нации, и без того самой географией так далеко втиснутой в немецкий Gesamt-Vaterland! (общее отечество. – Э. З.). Несколькими сотнями тысяч либеральных мещан будет меньше...” (там же. С. 219-220).

Получается в целом, что как раз на примере отношения к чехам Леонтьев демонстрирует полнейшее разочарование в славянофильстве (на которое указывал С. Трубецкой) – без отказа от претензий на панславизм под эгидой византизма. Ибо как раз из “мелкой зыби богемского болотца” не просматриваются возможные перспективы панславизма: станет ли он зарёй восходящего солнца новой культуры или далёким заревом пожара. Итог – не отказ от славянофильства, а новый его вариант с признанием лидерства России во всеславянстве и установок византизма; не умиляющий панславизм прошлого, а воинственный – будущего.

Леонтьев постоянно обращался к образам древней истории чехов: имена Либуше (он писал Любуше) и Пршемысла, Вацлава (Вячеслава) и Иржи с Подебрад (Юрий Подебрадский) встречались в его писаниях достаточно часто. Они — герои славизма в прошлом, но в настоящем о них забывают. В статье “Мой исторический фатализм” он пишет: современный панславизм “грозит всё-таки не чем иным, как всё большей и большей и весьма пошлой буржуазной европеизацией; ибо вся славянская интеллигенция — сплошь от Софии и Филиппополя (Пловдива. — Э. З.) до Праги — с ничтожными оттенками — <как> две капли воды похожа на среднего европейца”. Но всё же в первую очередь это касается, по его мнению, насквозь “проевропеенных” чехов (там же. Т. 8. Кн. 1. С. 270). Ещё в одной статье “Национальная политика как орудие всемирной революции” он, в соответствии со своей установкой на подмораживание России, отмечал: “С Австрией желательно; победить её необходимо; но разрушать её — избави нас Боже! Она до поры до времени <...> — драгоценный нам карантин от чехов и других уже слишком “европейских” славян” (там же. С. 539).

Обратимся к острым замечаниям о чехах в переписке Леонтьева. Редким, но весьма ядовитым и даже явно издевательским. В знаменитом письме к И. Фуделю в форме фундаментальной статьи, опубликованном в ряде номеров 1880 года газеты “Гражданин”, Леонтьев упрекает старого славянофила М. Погодина в том, что тот 30 лет тому назад верил в славян. “В их залого, в их “Шафариков” этих, в их признательность, в их великое и независимое по духу назначение...” (Леонтьев К. Славянофильство и судьбы России. М., 2010. С. 324).

В письме консулу в Вене К. А. Губастову от 19 ноября 1888 года Леонтьев опять-таки ядовито критикует “буржуазную цепь Ригеров, Напёрстков, Смолков, Фит и т. д.”. Более того, он предлагает “своими сочинениями дразнить каких-нибудь Женишек, Иречек, Напёрсток, Поспишиль-Насмешиль и т. п. братьев-славян” — явно пародируя чешские фамилии (*Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 491*). А в письме С. Васильеву от 9 мая 1889 года немолодой уже Леонтьев одобрительно трактует легенду о том, как Либуше, царская дочь, и пахарь Пршемысл полюбили друг друга и сошлись в браке (там же. С. 498). Увы, слова “Поспишиль-Насмешиль” применимы к инициаторам полуразрыва дипломатических отношений с Россией сегодня, при этом надо отметить, что не менее ядовито охарактеризовал их В. Клаус, сравнив Чехию с “маленькой собачкой”. “Мы, — подчеркнул он, — то есть маленькая собачка, лаем на Россию, потому что считаем, что имеем за спиной мощные США и НАТО. Думаю, что это вряд ли умная политика” (*Klaus V. Česko štěká jako ratlík, načasování Vrbětic není náhoda a Kulhánek je kdo? Rozhovory.23.4.2021 // <https://www.klaus.cz/clanky/4735>*). В интервью газете “Lidovč noviny” 19 марта 2022 года В. Клаус выразил озабоченность тем, что Россия сегодня находится в худшем положении, чем при коммунизме, что у страны не будет периода экономического процветания, который она, по сути, имела на протяжении большей части правления В. Путина с 2000 года, что Чехию ожидает экономический спад. Но вот от медали Пушкина Клаус решительно не отказывается. “Я никогда, — подчеркнул чешский экс-президент, — не был ни пророссийским, ни пропутинским. Но только я всегда отрицал дешёвую антироссийскую и антипутинскую пропаганду, которую считаю недостойной” (*Klaus V. Rozhovor Václava Klause pro Lidové noviny o dopadech války na Ukrajině. 19.03.2022 // <https://www.klaus.cz/clanky/4893>*).

Всё же полупрезрительное отношение Леонтьева к “Шафарикам этим”, “Ригерам” и другим авторитетным чехам возмущало многих приверженцев славянского дела и просто некоторых читателей. За что он ругает чехов? — вопрошал один из корреспондентов. За то, что Шафарик, Коллар, Ганка, Штур указывали на Россию и на Москву как на “матушку”, как на “единственную надежду и освободительницу славян”? (Леонтьев К. Н. ПСС. Т. 8. Кн. 2. С. 797). Это же характеризовало более поздних гостей Славянского съезда 1867 года, включая Палацкого и Ригера, а также других друзей Москвы, за что Леонтьев подвергался осуждению. Но он на упреки внимания не обращал во все времена и в разных жанрах.

Можно отметить, что отношение Леонтьева к западнославянскому народу в духе “за упокой” не осталось безответным и в печати. Рецензируя вышедшую

в 1885 году книгу “Восток, Россия и славянство”, отечественный публицист Л. Слонимский резко критически прореагировал на слова Леонтьева о том, что чехи – европейские буржуа и “честные либералы из честных либералов”. “Честность служит едва ли не ругательным словом, с точки зрения автора и подобных ему патриотов” (цит. по: Леонтьев К. *Византизм и славянство*. М., 2020. С. 167). И данный либерально ориентированный критик был не одинок – Леонтьева за это же критиковал славянофил И. Аксаков⁷.

Как показал ход исторических событий, Леонтьев зорче видел несовместимость в рамках славянства носителей различных цивилизационных начал, а в конечном счёте – трудную совместимость России и Европы. Есть основание предполагать, что он привлёк внимание к этому проклятому вопросу и Масарика, который относился к его творчеству с особой пристрастностью. Остаётся добавить: как раз перед Первой мировой войной вывод его многолетнего труда о том, что “сейчас можно говорить о русификации Европы в не меньшей степени, чем об европеизации России” (Масарик Т. Г. *Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России*. СПб, 2004. Т. II. С. 586), насторожил бы Леонтьева. А тот факт, что “в Австрии одним из результатов воздействия русской революции (имеется в виду революция 1905–1907 годов. – Э. З.) явилось ведение всеобщего избирательного права” (там же. С. 587), подтвердила бы самые худшие его опасения.

Революция же 1917 года сдала в архив все упования на византизм и явилась одним из факторов обретения государственной независимости славянскими народами – не без содействия новой России. Византизм был заменён социализмом, но и у него в российском варианте для чехов оказалось не очень приемлемое “человеческое лицо”. Вопреки упованиям Леонтьева, он явился не столько спасителем национальных начал, как он писал в “Византизме и славянстве”, сколько импортируемой из советской России западной идеологией. Хотя нельзя не отметить: собственно, при социализме “чехизма” было как раз больше, а вот в межвоенный период стране навязывался “чехословакизм”.

Характерно, что Масарик уделил очень мало внимания славянскому вопросу в работе Леонтьева, но ещё меньше – роли чехов в его решении. В главе 17 книги “Россия и Европа”, правда, упоминает мысль об Австрии как “карантине от чехов” и всего лишь перечисляет их среди других славянских народов (Масарик Т. Г. *Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России*. СПб, 2004. Т. II. С. 252). Всё же неприятный осадок от нелицеприятных оценок чехов у Масарика остался. И он не без злости вспоминает его и в первом томе как приверженца “ультранационализма” (Масарик Т. Г. *Россия и Европа*. СПб, 2000. Т. I. С. 322), и в третьем (“Победоносцевы и Леонтьевы имеют наглость развязывать священную войну против иностранцев во имя “святой” Руси!” (Масарик Т. Г. *Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России*. СПб, 2003. Т. III. С. 161).

К сожалению, чрезмерно пристрастные суждения Леонтьева находят подтверждение в анализе современного гавелизма. Для его ярчайшего представителя – нынешнего премьер-министра Чехии, поспешившего на помощь В. Зеленскому весной 2022 года, – удушающие “брюссельские кружева”, может, и представляются лучшим украшением. Но вряд ли они подобным же образом воспринимаются теми же сербами. Да и многими чехами тоже.

Новое издание трудов Леонтьева может выявить и более смягчённые оценки “благоразумных чехов” или, по крайней мере, отдельных представителей этого западнославянского народа. Всё же полного ответа на вопросы: “Не была ли причиной столь острых суждений о чехах своеобразная посылка по Праге? Не отыщутся ли более “благоразумные” мнения Леонтьева о них в пока не найденных его трудах? В чём секрет злой актуальности его суждений об этом западнославянском народе?” – можно и не найти. Но держа в поле зрения ответы на эти и другие вопросы, нужно признать: сегодня недостаточно всего лишь пересказывать положения Леонтьева, нужно их комплексное столкновение с самых различных ракурсов.

Не забывая, что в глубинной исторической памяти чехов уважение к России не исчезало и не исчезнет, равно как и их участие во всеславянском деле. Чего не мог не признавать и сам К. Н. Леонтьев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вследствие этого рвутся всевозможные связи двух стран. Во мне, участнице восстановления в 1993 году двусторонней Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР после прекращения деятельности Комиссии историков СССР и ЧССР при активном взаимодействии двух ветеранов Второй мировой войны – академика АН СССР Г. Севостьянова и В. Пречана, самого молодого из орденоносцев освобождённой Чехословакии, вызывает немалую горечь пришедший весной 2022 года из Праги сигнал о полном прекращении контактов с коллегами на официальном уровне.
- ² Имеются в виду те мужики, которых угощает в кабаке – шинке – их помещик-принципал, все хороши; в переводе едкость такой характеристики передаётся с трудом.
- ³ Несколько слов о фундаментальном исследовании Новикова, не потерявшем актуальности и в наши дни (Новиков Е. П. Гус и Лютер. Критическое исследование. Ч. 1-2. М., 1859; ещё будучи студентом, он подготовил в 1848 году работу “Православие у чехов”, которая появилась в печати под другим названием). В предисловии к нему знаменитый поборник общеславянского дела О. Бодянский отметил, что автору удалось продемонстрировать способы “влияния преобразований Славянина на преобразования немца” (Новиков Е. П. Гус и Лютер. Критическое исследование. М., 1859. Ч. 1. С. V). Сам автор писал в заключение второй части своего труда: “В вероисповедной жизни не нам, Славянам, принимать наставления от Немцев ныне, когда мы, в лице Гуса, давали их уже Лютеру за три столетия” (там же. Ч. 2. С. 468). Надо заметить, что и Леонтьев не раз благожелательно упоминал имя этого великого славянина в своих трудах, но не мог отвернуться от того факта, что чехи в дальнейшем все же стали во многом проводниками германизма, забывая его предостережения. О том, как относился к мыслям своего сотрудника Новиков, сведений нет.
- ⁴ Правда, к этому времени уже возникли сомнения в подлинности рукописи, и их не убоился подтвердить будущий президент Чехословакии Т. Г. Масарик, исходя как раз из презумпции учёности и честности – уж он-то Чехию любил и как раз поэтому настаивал на истине.
- ⁵ Остаётся перевести это французское выражение: “В царстве слепых и одноглазый король”. И добавить: ясное видение роли России в славянском деле, считает Леонтьев, пока трудно достижимо, если исходить из состояния грамотности. И ещё: “счастье безграмотности” уже во времена Леонтьева преодолевалось, но возникали в ходе истории и возникают в настоящее время другие “несчастья”, не способствующие славянскому делу. Многие мысли Леонтьева более чем полуторастолетней давности, на наш взгляд, в этой связи не теряют своей злободневности.
- ⁶ Остаётся добавить, что хотя Леонтьев с Достоевский встречались, но особых контактов не налаживали, в отличие от встреч с Толстым: два ветерана Крымской войны были на “ты”. Первые два положительно оценивали вовлечённость России в войну за освобождение славян – не без предостережений о неблагоприятном для России её исходе, а третий её осуждал.
- ⁷ Вряд ли принял бы эти пристрастные оценки и его однофамилец профессор П. М. Леонтьев, привечавший чехов и словаков в России, и не только он (Серпионова Е. П. Чехи и словаки в Российской империи. М., 2021. С. 142-143). У разных “Шафариков” и “Ригеров” находилось тем самым более чем достаточно защитников в России, но ядовитые замечания об этом западнославянском народе как проводнике “германизма” тоже не забывались.